

БЕРЕСТЕЙСКИЙ СВЯТО-СИМЕОНОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ В СЕРЕДИНЕ XVIII В.

Берестейский монастырь Устава святого Василия Великого при церквях святого Симеона Столпника и Рождества Пресвятой Богородицы располагался на Замухавечье. Современнику эта территория более знакома как Госпитальный остров и район ул. Белорусской. От всех православных сакральных памятников (3 церкви и два монастыря) сейчас не осталось и малейшего следа, что, однако, не мешает работать над воссозданием их архитектурного облика и истории.

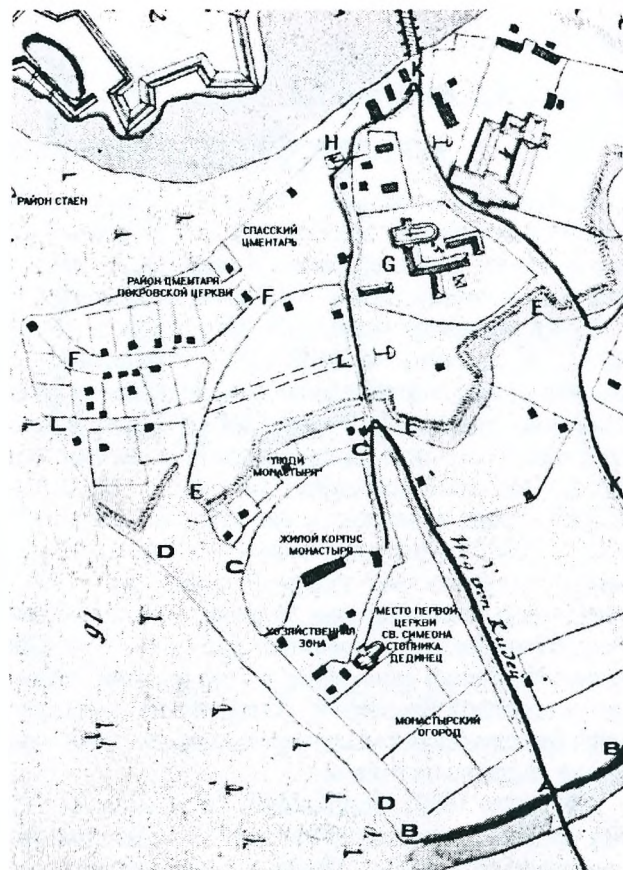
Время основания монастыря точно установить не удалось. Большинство современных изданий указывают на 1499 г., не ссылаясь на какой-либо оригинальный документ или происхождение источника информации. Первое документальное подтверждение о существовании монастыря, находящегося в собственности пана Александра Солтановича, относится к 19 июня 1546 г. [1, С. 4]. Закрытый владыкой Ипатием Потеем в октябре 1596 г., до 1632 г. находился в закрытом состоянии под «послушеньством» у владими́ро-берестейского греко-католического владыки Иосифа Мокосея-Баковецкого (1631-1655 гг.) [2, С. 61]. Монастырь с забужским селом Муравец становился собственностью ряда влиятельных дигнитариев Солтанов: Давида (до 1604 г.), Иеронима (с 1604 г.). Со смертью польского короля Сигизмунда III окончилась полоса жесткой реакции, наступило относительное потепление в отношении власти к греческому обряду. В ноябре 1632 г. на престол восходит новый польский король Владислав IV. Незадолго перед этим событием 15 октября 1632 г. после 36-летнего перерыва, при содействии бельского воеводы «Рафала на Лешне Лешнинского» (Лещинского) в «Святом Симеоне» ненадолго возобновилась служба. 1 ноября инициаторам этого самоуправления уже вручали «позвы» на суд в берестейский замок [2, С. 61-66]. Церковь закрывается воеводой Лещинским, богослужения прекращаются. Среди вдохновителей первым сторонником возобновления богослужения в монастырской церкви был Андрей Данилович Люлька, отец будущего симеоновского игумена Давида Андреевича Люльки.

В феврале 1633 г. Владислав IV при коронации одобряет поданные прошения о возвращении неунитатскому обряду нескольких храмов. 16 марта 1633 г. всего три церкви в городах Берестье, Кобрине, Пинске получили право на возобновление службы. Правда, в Берестье была возвращена церковь Рождества Пресвятой Богородицы Рождественского монастыря. Ввод указа в действие состоялся чуть позже, 7 мая [1, С. 13]. На этот же указ 26 декабря 1637 г. ссылается владелец монастыря, адепт протестантского обряда Владислав Монвид Дорогостайский, когда просит луцкого владыку Афанасия Пузыну прислать «до церкви святого Симеона в монастырю ... какого-нибудь хорошего монаха» [1, С. 16]. С 18 сентября 1638 г. Симеоновский монастырь считается функционирующим [1, С. 16]. 8 января 1641 г. в монастыре из Купятич появляется Афанасий Филиппович, регистрируя в городском суде вышеназванное письмо и другие документы. Пройдя вместе с городом фатальный путь многократных разрушений 1648-1657 гг., с трагической гибелью двух неординарных игуменов – Филипповича и Люльки, берестейские монастыри пришли в состояние полного разорения, вероятно, были сожжены. Более 25 лет (с 1661 по 1686 гг.) монастырями управлял отец Яков Карасинский. При нем, при участии Василия Александровича Красинского, хорунжего смоленского, были восстановлены церковные здания из леса Чахецкого лесничества. С 1690 г. игуменом Свято-Симеоновского монастыря назначается Сильвестр Троцевич, являвшийся одновременно супериором Могилевского братского монастыря, более известный по обнаружению «Толковой псалтыри» с «Диариушем» Афанасия Филипповича. Правление Сильвестра заканчивается около 1709 г. Во время Северной войны, после овладения Брестом шведами летом 1706 г. и до 1719 г. монастырь живет без игумена, при наместнике.

В 1716 г. в монастыре случается пожар, истребивший построенное Василием Красинским и игуменом Яковом. Очередное восстановление монастыря осуществлено при легендарном Свято-Симеоновском иеромонахе Гервасии Рудницком, начавшем управление монастырем с декабря 1719 г. в должности наместника. Пережив невоздержанности нрава и языка Варфоломея Филевского в 1722-1724 гг., очередного кандидата в игумены, присланного Священным Синодом и окончившего свой жизненный путь в ссылке на Камчатке, преподобный Гервасий с 1728 г. пребывает в должности игумена. За время своего игуменства продолжает восстанавливать монастырь. Заслужил небывалое почитание монастырской братии, любовь прихожан, доверие духовного начальства. Гервасия почитали как «маленького Божка», что находим в документах судебных тяжб с противниками монастыря, базилианами. При Гервасии Рудницком в 1747 г. наблюдается относительный расцвет монастыря, что характеризуется наибольшим количеством монашеской братии – 9 иеромонахов и 3 монаха [3, С. 461]. Игуменом Ионой Василевским, утвержденным киевским митрополитом Рафаилом Заборовским, монастырь управляется почти два с половиной года (с 31 мая 1747 г. по 5 сентября 1749 г.). Гервасий умер в монастыре вскоре после 29 сентября 1749 г., перед очередной монастырской трагедией. 5 сентября Иона был избит, поруган, выброшен из кельи разъяренной толпой за то, что настаивал стать на «путь законной повинности». Таковы нравы того времени, даже в монастыре. Здания и все монастырское хозяйство, восстановленное Гервасием, игумен Иона передал в управление следующему наместнику Мануилу (Эммануилу). Мануил родился в Берестье 1722 г. от зажиточных родителей, в 18 лет (1740 г.) пострижен игуменом Гервасием в качестве инок в Симеоновский монастырь. В ноябре 1748 г. Мануил уже прокуратор монастыря, при игумене Ионе Василевском.

Габариты споровшей церкви по карте 8.6 x 22.8 м, ширина по крыльям трансепта 15.2 м. Деревянная монастырская церковь Богоявлений Господних показана совсем иной конфигурации. Вместо «церкви великой с тремя верхами», следовательно, продольно-осевой пространственной композиции, показано здание центрично-крестовой композиции. Это означает, что карта зафиксировала конфигурацию города значительно раннего времени. Это может относиться к инвазии Меерфельда (1706 г.).

Рисунок 1 – Фрагмент карты И.Г.М. Фюрстенхоффа [4] с планировкой квартала Свято-Симеоновского монастыря. Поз. 16 обозначает территории Замухавечья, затопляемые «высокой» водой.

Спецификация обозначений:

А-А - ул. Прилуцкая. В-В – речка Струга - рукав Старого Буга (Bużyska starego). С-С – ул. за монастырским садом. D-D – ул. Рыбацкая (левая сторона улицы затоплена). Е-Е - городской вал со рвом. F-F - ул. Грабарская [1, С. 97]. G - монастырь бернардинок. Н – Свято-Спасская церковь. К-К – ул. Луцкая. L-L - «ул. к церкви Восстановления Честного Креста идущей».

1751 г. начался с судебных процессов монастыря с греко-католическим бискупом Теофилом Годабским. Опять «розуха» и, что еще страшнее, природные катаклизмы. От «продолженной, непрестанной и ежедневной» саранчи пропадает часть пашни, от эпидемии «подох весь монастырский рогатый скот, нашедши вода болшая и пол лета сенокосии монастырские непокошенные потопила, и малое число лошадей чрез зимнее время нечем кормить» [5, С. 656]. С ноября 1751 г. иеромонах Мануил выдвинут братией на должность наместника. Через два месяца, 31 декабря 1751 г. митрополит Тимофей Щербацкий, прибыв из Киева в Симеоновский монастырь, «произвел М. Бялошицкого из наместников в игумены Брестского монастыря» [5, С. 663].

При вхождении в управление монастырем, в качестве игумена, по поручению митрополита Тимофея Щербацкого от 8 января 1752 г. Мануил провел ревизию. Составлены 2 экземпляра «Описи». Первый находился в монастыре, второй отправлен в Киев в архиерейскую консисторию. Материал «Описи» на сегодняшний день есть первый, самый полный объем информации по Симеоновскому монастырю, без преувеличения бесценный документ. Его название «Опись монастыря святого Симеоновского Берестецкого православного, всех движимых и недвижимых вещей, утварей церковных и грунтов и всех угодиев имеющихся, кия по нижеследующем и начертанием явственно» [5, С. 711]. Благодаря ей у нас есть возможность ознакомиться со структурой самого монастыря, его владений, отчасти представить внутреннее устройство.

Спустя всего пять месяцев, ситуация меняется в худшую сторону. Какова настоящая причина смены руководства брестских монастырей, в документе конкретно не указывается. При этом не упустим из вида, что соперничество за влияние над заграничными монастырями между могилевской кафедрой и киевской архиепископией явилось причиной частых обращений к митрополиту Щербацкому. Яблочинский игумен Спиридон Гриневецкий завалил митрополита своими докладами. Заграничными монастырями считались 5 монастырей берестейской группы, а также Кутеенский, Буйницкий, Тупичевский, Пинский и Минский православные монастыри. 27 мая 1752 г. митрополит дает грамоту на инспекцию указанных монастырей игумену Марковскому Иакинфу Пелкинскому (недавнему игумену пинской обители) и капеллану варшавского посольства иеромонаху Антонию Почеке. По его словам: «в монастырях Дрогиченском и Бреском за нерадением игуменов ... великие неприятели происходят, а чрез то и монастыри в разорение приходят и впредь прийти могут, да и братія в тех монастырях в безстрашии и неблагочынни пребывают» [5, С. 680]. Проследив цепочку событий вокруг Симеоновского монастыря и варшавской домової церкви Министерства иностранных дел, служителями которой являлись лучшие неприязнительные образованные иеромонахи из Берестя, становится ясно, что российское посольство в Варшаве было в курсе всех дел в монастыре, следило за назначениями, имело свое мнение и согласовывало с митрополитом кандидатуры новых капелланов. После смерти Сильвестра Каховского, капеллана внутренней церкви российского посольства, его преемник А. Почека естественно был в курсе событий, происходящих в Берестье, часто пребывал там по делам службы, останавливался здесь по пути в Киев. Вероятно, между ним и Мануилом отношения сразу не сложились, что явилось причиной появления его в Берестье с таким жестким предписанием. За берестейского игумена заступились: крестоносное братство церкви святого Симеона Столпника (16 сентября 1752 г.), братия Симеоновского монастыря (22 сентября 1752 г.), берестейский воевода Кароль Сапега (25 сентября 1752 г.), наконец, прошение

самого игумена Мануила (29 октября 1752 г.), что, однако, его не спасло. 13 февраля 1753 г. игумена Мануила вызывают в Киев, куда он не поехал, а воеводе сообщается, что Мануил уволен от этой должности. Игуменом в Берестье определен Спиридон Гриневецкий.

С новым назначением на Свято-Симеоновский монастырь надвигалось очередное потрясение. Мануил, привнеся в структуру монастырских владений свою личную недвижимость (мельница, участок земли и другое имущество), оставлять в монастыре ее не собирался. Ошельмованный и обиженный на решение митрополита, он всю свою недвижимость отторгает от монастыря, кроме этого забирает и монастырское имущество. Граф Александр Шувалов, камергер двора ЕИВ, начальник Канцелярии розыскных тайных дел, о событиях, инициированных Мануилом Бялошицким в «польском местечке Берестье Бреском» [5, С. 777], доносит в Священный Синод: «ночью нашедши на монастырь, не точию разные документы, монастырю служащие, но и все припасы, такжеже книги церковныя, посуду, деньги и прочие вещи монастырские позабирал и в монастырь до базилианов Бреских же отвез, в которых ныне обретаются и непрестанную обиду монастырю делает» [5, С. 779].

«Светлой седмицы, с пятка на субботу зостал унеятюм, а прошедшего мая 1 числа (1753 г.) с монастыря унеятского Базилианского при сентенции всех конвентов и законов Бреских ксендзов, яко то: иезуитов, бернардинов, францисканов, августинов, тринетаров, кармелитов, фаранов и базилианов, так же при собрании всего народа и господ веден был со свещами, пением и великим торжеством до костела иезуитского, где по указам их, с руганием, плеванием отрекся веры православной кафолической» [5, С. 779]. Скрывшийся избитый новый игумен Спиридон возвратился в «Бреский» монастырь, когда узнал о намерении униатов «всенепременно монастырь отобрати и на унию превратити». «Посоветовавши между собою, утвердили стояти и за монастырь и за благочестие до смерти, о чем услышавши унеяти переменили намерение свое и уже не смели нападения учинить на монастырь» [5, С. 779]. Впоследствии, в конце года, Мануил вернул документы, фундуши разные, мельница, уголья, церковные принадлежности и собственные вещи Спиридона в целости. К декабрю 1753 г. противостояние не угасло. Гриневецкий обращается за защитой к городским властям и «писание охранительное от его милости пана Флеминга, подскарбия великого Литовского, старосты судового Бреского испросил, который и монастырь до настоящей судовой расправы сам надеялся защищати» [5, С. 789].

Описанный случай с игуменом Мануилом – единственный прецедент межобрядовых отношений в городе, описывающий переход в другой обряд духовного лица такого уровня. Случаи массового оставления униатского обряда во время А. Филипповича были довольно частыми, но там «виновниками» были простые прихожане. При различных оценках измены игумена Бялошицкого своему обряду, с которым он был связан с детских лет, исключительной важности остается выполненная им «Опись» [5, С. 711-716], составленная в начале (января-февраля) 1752 г. Дальнейшая судьба монастыря не менее насыщена, но интерес к содержанию «Описи», в основном, вынуждает ограничиться событиями 1753 г.

Установить полное название главной церкви монастыря помогает документ о посвящении в чин игумена Мануила митрополитом Тимофеем (Щербацким): «по надлежащему чиноположению православно-восточные церкви, в Братско-училищной обители, в храме Богоявлений Господних, во игумена произвели» [5, С. 663]. Это означает, что главный храм монастыря был освящен в честь Богоявлений Господних (Крещения и Воскресения). А в честь Симона Столпника был освящен один из побочных престолов.

Описание монастыря состоит из 8 разделов: 1 - собственно описание самого монастыря, 2 - «Цени розного соуду», 3 - «Цень», 4 - «Медь», 5 и 8 - «Железо», 6 - «Крита (?)», 7 - «Синожате». К девятому разделу отнесем записи экономического характера: фундуши, завещания, мельницы. Для лучшего исследования материала вся «Опись» разделена на 169 пунктов, что позволило установить правильную последовательность в первом разделе.

Учитывая общую малограмотность общества и, как следствие, ее представителей из монашествующих (игумен Мануил), многие пункты «Описи», написанные им (например: товалня, хусти, короги, чеверткова, дастамент, флямка, мощиро свирови стлучками, тринкал), требуют объяснения и подробного исследования.

В первом разделе представлены сведения: о самом церковном здании – «Церковь великая с трома верхами: деревяная, покрытая гонтами». Здание, построенное согласно с местной строительной традицией, представляет трехчастную продольно-осевую пространственную композицию (притвор, наос (баня), алтарь). Алтарем ориентирована на восток. Известные изображения монастырских зданий (Свято-Онуфриевский в Яблэчно и Свято-Николаевский Пустынно-Медведковский около Чигирина) относятся к южно-русскому (галицкому) типу. Какого-либо изображения Свято-Симеоновского монастыря не приводится. Учитывая то обстоятельство, что Берестейский монастырь был старшим над всей группой зарубежных монастырей, в том числе и Яблочинским, его внешний архитектурный облик был не менее выразителен.

В алтарной части трехпрестольной монастырской церкви находились «престол великий, обложений товалнею червленою, на той товалне крест среброзлатный». Покрытие престола состоит из двух частей: сверху красная «товалня» – красный квадратный плат, боковые плоскости великого престола – «побочни» – закрыты белыми платами – «белими кусты». Дополнительно сообщается о кресте. «На великом престоле крест сребный, стоящий 1».

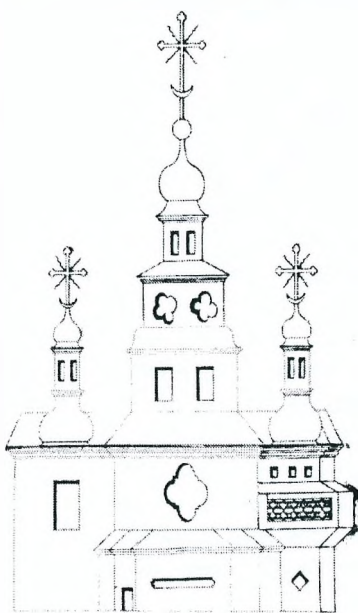

Рисунок 2 – Южный фасад Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря (длина 21.6 м, высота 31.8 м) [6].

К великому престолу относится сообщение о иконе Божией Матери. «На престоле великом матеръ Божия черверкова сребром обложена по великороссийску». Расшифровать размер напестольной храмовой иконы можно, узнав, что четверть (в источнике черверть) равна 1/4 части листа 44x35 см, т.е. 22x17,5 см. Указанный размер, по всей видимости, представляет размер самого изображения без оклада.

«У том же олтаре престолов побочных белими кусти покритиѣ 2». Напестольные кресты, стоящие на боковых престолах обозначены – «кедровых крестов сребром обложенных 2». «Товален» – покрытий боковых престолов (святых Стефана и Симеона) – «вышитых шовком 2». Описание этих боковых престолов, обновленных при игумене Спиридоне 19 июня 1757 г., уже после войны, вызванной переходом к базилианам игумена Мануила в 1752 г., представлены так: «Церкви великой правая сторона, т.е. алтари святых архидиакона Стефана и Симеона Столпника, вновь соответствующим резным иконостасом приукрасил, образ наисвятейшей девы Казанской над царскими воротами в оклад с превосходными резными скульптурами, покрытыми художественной росписью поместил» [5, С. 1004]. Предположение о симметричном расположении побочных престолов Стефана и Симеона опровергается вторым уточнением Спиридона Гриневецкого. Оба престола располагались с правой (южной) стороны от основного «великого престола». Нет ничего удивительного также и в том, что в монастырской церкви так много деталей московской работы. Вся деятельность игумена Спиридона была направлена на сближение с церковными структурами Российской империи, что можно видеть из секретных документов посольства в Варшаве. Помещение над царскими воротами Казанской иконы Божьей Матери, более почитаемой в России, еще более подчеркивает это стремление. Такой символ давал четко понять, под чьей защитой находится православие в Берестье. В южных и юго-западных областях ВКЛ в особом уважении были местночтимые иконы: Почаевская, Жировичская, Купятичская, Холмская, Владимирская и многие другие.

Количество икон в церкви не указано, сообщается лишь, что «на розных образах крестов 23 шт.». Свидетельством приходского характера церкви (других православных храмов в городе не было) и знаком особого почитания чудотворных монастырских образов является фиксация «Описью» различных привесок из жемчуга, навешиваемых на иконы в знак благодарности за излечение: «и шнурков карялов 44». Как видим, это произошло, минимум, в 44 случаях.

Принципиально важным в описании интерьера церкви и даже всей «Описи» является упоминание гробниц. Их упоминание следует за описанием великого престола не просто так, это придает им особую значимость. Их было две: «Гробница сребная позлащена» и «Другая сребна позлащена малая». Есть все основания предположить, что здесь упомянуты не церковные принадлежности, покрываемые плащаницей в Великий пост, также называемые гробницами, тем более, что под плащаницу в храме достаточно иметь только одну гробницу. Это, скорее всего, специально изготовленные раки (то же, что – мощевики, ковчегцы, гробики), представляющие высокохудожественные произведения из серебра, покрытые позолотой для символического акцентирования содержимого, не исключено, гданьской работы. Во всем ВКЛ такие гробницы могли быть только в двух городах – Вильно и Берестье. В Вильно это было сохранение мощей Антония, Иоанна, Евстафия, в Берестье – сохранение останков святого преподобномученика Афанасия Филипповича и его последователя иеромонаха Давида Андреевича Люльки, игумена Свято-Симеоновского монастыря, замученного в июне-июле 1657 г. озверевшими мадьярами армии Ракоци в Мелецком монастыре. Неизвестный мученический подвиг игумена Давида неизвестной истории православия на наших землях, начиная с XVIII в., исчез из всех источников, оставаясь только в памяти Творца. Иного духовного лица из числа берестейских православных священнослужителей, имевшего бы отношение к такому подвигу, чьи останки могли быть сохраняемыми в «малой гробнице», пока не выявлено. Более подробно об игумене Давиде (Люльке) рассказывается в работе о монастырском млыне «Золотое яблоко».

Полный комплекс богослужебных книг представлен в 46 экз., составляющих 24 названия. Богослужебных алтарных принадлежностей и принадлежностей для отправления таинств (дискорсы, звезды, чаши, килихи, котелец медяный, рукомойницы, блюда) всего 14. «Катапетасма материална кветчаста 1». Воздухов малых и великих из разной материи 3. Ручников церковных 5. Хоругвей голубых («корогов блаватних») 2. Предметов священнического и дьяконского облачения 71. Принадлежностей для установки свеч (лямп, лехтажов) из цветных металлов 11. Кадильниц 2. «Хусток» и платов хафтованых (шитых серебром и шелком) 25. Традиция обвязывать и украшать иконы предметами ручной работы сохранилась до наших дней. Домотканые рушники на иконах можно увидеть в любой церкви нынешней Брестской епархии.

«Опись» показывает еще одно церковное здание, находящееся на его территории. Это трапезная церковь. «В церкви трапезной Матеръ Божия, аркушовый среброобложений образ». Трапезная церковь находилась на втором этаже жилого монастырского корпуса, являвшегося самостоятельным зданием нескольких уровней (этажей). Жилой корпус располагался к северу от храма Богоявлений Господних, у самого монастырского сада. Он предназначался для монастырской кухни и помещения для игумена – «под трапезною церковью кухня, игуменска келия» – и для монахов «побочных келий 5». Такое количество келий свидетельствует о том, что в каждой проживало по несколько монахов. После пожара 8 ноября 1815 г. в здание трапезной церкви будет перемещен основной храм. Место старой церкви будет упоминаться как церковный «дединец». В трапезной церкви находилась икона Божией Матери «в аркуш» (35x44 см), снабженная богатым серебряным окладом.

Название 2-го раздела «Цени розного сосуду» не совсем соответствует описываемому имуществу. Здесь перечислены 5 строений хозяйственного назначения и брама со звонницей. Брама (въездные ворота) монастыря располагалась в крайней северо-восточной оконечности монастырской территории и была совмещена со звонницей. На звоннице находились 4 колокола.

На хозяйственном подворье, кроме бровара, располагались: шпихлер (склад, хранилище), «клубень 2», одна стойна и шопы на сено. Блок хозяйственного назначения находился к северо-западу от монастырской церкви. В стойне содержались животные: 6 коней, «3 лошади малых», 2 коровы, 2 теленка, 2 пары волов, 6 старых свиней, 8 малых. Наличие коней предусматривает существование неупомянутой возовни, которая обязательно должна быть для хранения, ремонта и обслуживания телег, бричек, инвентаря для вспашки. Кроме этого, из биографии Мануила узнаем, что он в начале монашеской жизни был при монастырской кузнице, которая не упоминается, как и вторая брама (хозяйственный въезд), ведущая на улицу Рыбацкую. Не упоминаются в «Описи» корчма и солодовня. И только упоминание бровара с тремя котлами – «един на горелку», еще один «и на пиво» и «третий малий» – в полной мере соответствует названию раздела. Здесь же упомянута вторая церковь, принадлежащая монастырю – «церковь Рождества Пресвятой Богородицы». Самого Рождественского Богородичного монастыря после череды войн XVII в. более не существовало. Восстановленная церковь принадлежала Свято-Симеоновскому монастырю. При церкви была 1 келия. Территория церкви «парканом огорожена». Локализация ее на сегодняшней карте парадоксальна. В нескольких десятках метров от погоста Рождественского находятся очистные сооружения в районе ул. Белорусской. Как это расценивать, неведение или позиция?

Следующие разделы: 3-й «Цень», 4-й «Медъ», 5-й и 8-й «Железо» представляют кухонные и столовые принадлежности.

Интерес представляет 6-й раздел «Крита (?)». Издатель не мог объяснить это слово, поставив вопрос. Слово крита образовалось от слова *kreda* – мел. Здесь образно выражено намерение строгого учета и означает, что все обозначенные владения строго учтены, точно перечислены, записаны. В этом разделе перечислены земельные владения монастыря, их 7. Все поля измерены сохами. «Поле Осинки 18 сох», «Головское поле 15 сох», «Поле Амполь 1», «Поле коло Рождества 4», «Поле на Побудному 12», «Поле за Горками Ризок 6», «Поле Придатки 4». Всего 60 сох. «Побудное поле» встречается впервые, вероятно здесь описка. Известен микротопоним Поддубное. Нелокализованными на карте Замухавечья являются: Амполь, Горки Ризок, Придатки, остальные участки располагаются в непосредственной близости от Симеоновского монастыря, между Волынским трактом или ул. Луцкой и р. Буг.

Раздел 7 представляет сеножати, их также 7: «На Вариводине», «На Рождественском поле», «На Артемовом», «На Гразком», где упоминалась сеножать «Филипповичовская» [7], «На полю Ризки», «На Котелне», «Там же на Круглой». Всего 50 косцев. Сеножать с названием Круглая принадлежала лично Мануилу. По «Компромиссарскому определению» [8] от 15 сентября 1753 г. он забирает ее с собой к базилианам. Луг «Котельня Великая» присужден монастырю. Не локализованы: «Ризки» и «Гразки». Все остальные сеножати находятся в вышеуказанных границах.

Заключительный 9 раздел образуется перечислением пунктов, составляющих основу финансовой стороны существования монастыря. Упомянутая в материале о каплице святого Стефана юридика Сапег (1667 г.), позже Красинского (1680 г.) и затем Выговского, составляла 10 дворов, здесь преобразовалась в 15 «жителей фундушовой юридики». На этой чиншевой юридике могли проживать крестьяне, не принадлежащие Симеоновскому приходу. В год монастырю они платили 169 злотых, остальным доходом пользовались по своему усмотрению. Кроме этого, во время жнива с каждой хаты обязаны были давать 6 работников в год. Вторым составляющим доходную часть был ежегодный долг по «видир кафу» от евреев местечка Володавы, исчисляющий 80 «золотых полских». Третья часть дохода образована завещанием Андрея Владимировича Дяшковского от 1692 г., просившего похоронить себя на Симеоновском погосте, в связи с чем монастырь получал еще 1000 злотых. Как видим, ежегодный доход монастыря только деньгами составлял 1249 злотых довольно большую сумму для того времени.

В распоряжении монастыря находилась мельница «Золотое яблоко». В «Описи» – «млын на рице Буге, во вричи Дарках, вечисто наданий от боголюбцов в монастырь совсем». Урочище получило название от имени древней патронки монастыря Авдотьи Павловны Хоминой, во втором браке за Андреем Даниловичем Люлькой [1, С. 24], отцом Симеоновского игумена Давида, замученного мадьярами. Авдотья – по-местному Дарка, от чего произошло название окрестностей. Почти век (99 лет) млын неизменно служил монастырю. Второй млын на Буге, «на слюзе», был внесен Мануилом Бялошицким при его избрании на должность игумена. Кроме помола своего собственного зерна, на нужды монастыря шла часть от помола давальческого зерна, «с того млина, а именно третья мерка всякого збожа. И тринкал» [5, С. 716]. Последнее слово «Описи» тринкал есть не что иное как гибридный особый сорт зернового злака тритикале, полученный скрещиванием пшеницы и ржи. В «Описи» под этим словом обозначен семенной фонд зерна тритикале для посева на монастырских землях весной 1752 г., что Мануил посчитал необходимым отметить, т.к. это зерно имело особенную ценность.

Материал «Описи» исчерпан, оставив много вопросов, которые для исполнителя «Описи» не представляли интерес. Это состояние монастыря. Новый игумен Спиридон Гриневецкий, не имея достаточных средств к его содержанию: то, что осталось от Мануила, постепенно истратил. Через 5 лет, в 1757 г., Спиридон собирается в Сербию за милостью, просит у митрополита паспорт во владения сербского митрополита Павла Ненартовича. Состояние монастырского здания в этот год было следующее. «А так как церковь огромной величины монастыря нашего Бресткого предшественником моим небожником Гервасием Рудницким, не сосчитать какой сверхъестественной ценой (как говорят) на деревянных штандарах, т.е. высоких пнях построена, штандары, уже от давности лет значительно подгнили, поэтому бояться нужно, не дай Боже, падения, для спасения же ее не находится ни какой местный добродетель, а монастырь из-за очень плохих доходов еле может прокормить братьев законников и людей нуждающихся» [5, С. 1002].

Монастырь испытывает большую нужду и требует сил от его управителя. Чувствуя безысходность, 19 июня 1757 г. игумен Спиридон просится на увольнение. «По окончании моих верных дел, прошу письмом вашей архипастырской милости от игуменства здешнего освободить и одарить каким-нибудь маленьким уголком, для спокойного исполнения обязанностей согласно должности до конца моей грешной жизни» [5, С. 1003]. В этом же письме сообщается, что проснулся «старый змей, завидующий нашему спокойному пребыванию, который разбудил ксендзов Бартошков, держащих здешнюю фару», избивших православную похоронную процессию. Пришлось искать защиты у канцлера ВКЛ Чарторыйского.

Кризис в обществе отразился и на монастырской жизни. Изнуряющую физическую монастырскую работу выдерживали не все. Были случаи ухода из обители. Богослужению и образованию уделялось недостаточное внимание. В письме к митрополиту от 9 июля 1757 г., в котором игумен Спиридон сетует, что «обученных латинскому языку в здешних краях и з свечью сискать невозможно, да и кто пожелает з учених людей за плугом ходить, гной в поле возить и з граблями до сена, и протчую черную работу отбивать» [5, С. 1021].

Свою заботу о главной церкви монастыря игумен Спиридон представляет так: «разбитый праздничный колокол, с добавлением материала, в Гданьске перелил и в Берестье привез, бровар и солодовню также заново с мурованными горнами и печью построил. Два великих медных бака с крышками и трубами для изготовления водки привез из Гданьска и в горны вставил, трапезу выровнял и новым деревом отремонтировал, стайни для пользы лошадей, хотя и из старого дерева поставил, огороды по возможности вокруг огородил, колодец отремонтировал, и что только касалось хозяйства силы мои к тому прилагал и прилагаю, однако тяжело мне, привезенную из России сумму, уже растратил до последнего шеляга, а монастырские доходы очень мизерные, поступающие крохотной суммой с одного только лодейного млына, т.к. пан подскарбий великий Литовский (прим. Флеминг) много млынов на Буге настроил, а наш, оттого что находится на отдалении от города, все давние ремесла утратил, только немного поддерживают нас огороды от уплаты чинша и поголовного, а с селекции зерна, кроме как на текущую жизнь, ничего больше не получаем, попридел законников, застав их обносившимися, сейчас уже новых одежд требуют, но от недостатка денег, спасаются латками, так начинаю новый млын строить при Божьей помощи, т.к. старый значительно сгнивший вообще никчемный и опасный, а так, как строительство требует немалого дохода, где взять который не знаю» [5, С. 1005].

К концу 1757 г. положение еще более усугубилось, что проясняется из письма игумена митрополиту. «Церковь наша святого Симеона Столпника великая, на штандарах, или на столбах построенная, все более клонится, оттого, что штандары уже значительно подгнили и если ей не помочь, в скором времени, несомненно упадет. Монастырь не имеет возможности исправлять положение, потому, что местная духовная власть, от которой все зависит, еле позволяет накрывать нам ободранные церковные крыши, а новые делать либо церковь строить ни в коей мере не позволяет и не допускает, оттого что сейчас войска Российские находится у нас в Бресте, без всякой оглядки можно и новые строить и направлять святыни Господские, но из-за крайнего недостатка денег этого производства, невозможно начать» [5, С. 1029].

Анализируя вышесказанное, предполагаем, что деревянная монастырская церковь, простояв около 40 лет, пришла в плачевное состояние. При такой скорости угасания здания существовать ему осталось недолго. Описанная церковь не могла сгореть в 1816 г., до этого времени она бы не просуществовала. Это значит, что к концу 50-60-х гг. можно говорить о строительстве новой деревянной церкви, той, которая погибнет в пожаре 1816 г. Исследованием выявлены несколько очень важных неизвестных деталей, не встречающихся в уже изданных специальных работах. Это касается самого здания церкви, приделов, гробниц игуменов А. Филипповича и Д. Люльки. Детали свайного фундамента «великой церкви», что в полной мере может быть отнесено и к другим строениям монастыря, усложняют археологические поиски, т.к. за 260 лет от деревянных «штандаров», вероятно, ничего не осталось. Достаточно точно описаны земельные владения монастыря, с замечанием о проводимой им селекционной работе.

Полный вариант работы, кроме относительно точной локализации церковных объектов на местности, предполагает заинтересовать и убедить соответствующие городские и епархиальные структуры в необходимости создания и установки памятных знаков именно на тех самых местах, где находились обозначенные православные памятники. Настоящее место служения А. Филипповича и других берестейских игуменов, а также несколько церковных погостов Замухавечья до сих пор пребывают в забвении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. АСД. – Вильна, 1890. – Т. 11.
2. ВАК. – Вильна, 1867. – Т. 2.
3. Памятники православия и русской народности в Зап. России в XVII-XVIII вв. / С. Титов. – Киев, 1905. – Т. 1. – Ч. 1.
4. Plan von der Stadt Brzesc in Lithauen. J.G.M.v. Furstenhoff. – 1740. – XX 160.(с позволения Брестской областной библиотеки им. А.М. Горького).
5. Памятники православия и русской народности в Зап. России в XVII-XVIII вв. / С. Титов. – Киев, 1905. – Т. 1. – Ч. 2.
6. Памятники православия и русской народности в Зап. России в XVII-XVIII вв. / С. Титов. – Киев, 1905. – Т. 1. – Ч. 3. – прил. С. СХХV.
7. ВАК. – Вильна, 1872. – Т.6. – С. 285.
8. ВАК. – Вильна, 1870. – Т.3. – С. 223.